

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verses@onego.ru

«БЛОКОВСКИЙ КАНОН» В ЛИТЕРАТУРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Рассмотрена проблема рецепции творчества Александра Блока в литературе Великой Отечественной войны и советской критике военного десятилетия. Предметом исследования стали цитаты, аллюзии, реминисценции, образы, мотивы из репертуара Блока в произведениях русских советских писателей 1941–1945 годов. Особое внимание уделено роли блоковских образов и мотивов в военной поэзии Вс. Рождественского (стихотворение «Могила бойца»), проблеме расподобленного цитирования (поэма А. Блока «Скифы» – очерк Л. Леонова «Неизвестному американскому другу. Письмо первое»), блоковскому коду военной прозы А. Платонова (стансы «Девушка пела...» – рассказ «Одухотворенные люди»). Автор пришел к выводу, что «канон Блока», инкорпорированный в литературу военного времени, способствовал реставрации русской духовности и патриотизма в полноте национально-исторической памяти.

Ключевые слова: А. Блок, литературный канон, цитата, образ, мотив, жанр

В 1946 году, первом мирном – после страшной войны и великой победы – советской литературной общественностью был широко отмечен 25-летний юбилей со дня смерти Александра Блока. В печати со словами памяти и значения творчества Блока в отечественной культуре выступили Д. Максимов, Ф. Левин, Б. Галанов, Л. Светлов, Г. Фридлендер, В. Перцов, Н. Венгеров, П. Антокольский и другие. Дни памяти поэта прошли по всей стране в начале августа (Блок умер 7 августа 1921 года), а уже 14 августа 1946 года ситуация в общественно-литературной жизни резко изменилась. В этот день было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Началась беспрецедентная даже по советским меркам кампания по идеологической чистке искусства. Радикально поменялась и официальная оценка творчества А. Блока и его традиции в советской литературе. В 1947–1948 годах в печати обсуждается вопрос об изъятии раздела о Блоке из учебных программ по литературе (см., напр.: Дементьева А., Наумова Е. Улучшить преподавание советской литературы // Звезда. 1948. № 3. С. 186–187). В 1948 году журнал «Звезда» публикует статью В. Бакинского «Поэзия и современность (о недостатках ленинградской поэзии)» [1]. Критический разбор современной поэзии предпринят автором вслед и по образцу печально известного постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Опасным симптомом «бездейственности» в литературе военного десятилетия В. Бакинский назвал возвращение к символизму, к Блоку, к этим «пройденным жизнью канонам» [1; 164], тем самым поневоле признав, что *канон Блока* – реалия русской советской литературы.

Персональное обвинение В. Бакинский предъявил Всеволоду Рождественскому. Поэт Вс. Рождественский (1895–1977) в первые дни Великой Отечественной войны вступил в ряды народного ополчения, затем был военным корреспондентом газеты «На защиту Ленинграда». За годы войны опубликовал две поэтические книги: «Голос Родины» (1943) и «Ладога» (1945). В 1947 году в книгу «Родные дороги» он включил стихи военных лет. Именно этот поэтический сборник и попал под прицел бдительного критика. Следствием обвинения в «бездейственности» стало то, что следующий сборник стихов Вс. Рождественского увидел свет лишь спустя одиннадцать лет – «Иволга» (1958).

В военной лирике Вс. Рождественского Бакинский обнаружил блоковский след. Достаточно было одной строфы из стихотворения «Могила бойца», чтобы образ России Блока, его провинциальная лирика ожили в сознании критика. Стихотворение «Могила бойца» надо было еще разыскать в лирике Рождественского периода Великой Отечественной войны, поскольку его поэзия военных лет разнообразна по тематике, интонационному и образному строю, жанровым решениям – от стихотворного очерка и сатиры до оды и песенной лирики. Но критик знал, что искал: для Вс. Рождественского, продолжавшего в своем творчестве пушкинскую традицию русской литературы, А. Блок был одним из наиболее авторитетных поэтов XX века. Встреча с А. Блоком в начале творческого пути многое определила в судьбе Рождественского. По своим начальным поэтическим пристрастиям (1910–1920-е годы) «царскосёл» Рождественский, как он всю жизнь себя называл, тяготел к акмеистам,

но в пору их разрыва с Блоком принял сторону Блока.

В годы Великой Отечественной войны блоковские мотивы в лирике Рождественского звучали с новой силой. Вот те четыре строки из стихотворения «Могила бойца», которые вызвали резкое неприятие критика:

Я вижу избы, взгорья ветровые
И, уходя к неведомой судьбе,
Родная, непреклонная Россия,
Я низко-низко кланяюсь тебе.

Приведем возмущенный комментарий В. Бакинского: «Поэт как бы находится в пленах неких стародавних образов; он пытается поставить их, как зеркало, перед явлениями новой жизни... <...> Но ведь “взгорья ветровые” – это те же блоковские “песни ветровые” (связанные также с образом России), и этот уход “к неведомой судьбе” и поклон – это тот же Блок, в частности его стихотворение “В альбом Пушкинского дома”. Напоминают название стихотворение Блока и по словарю и по ритму первые строки стихотворения Рождественского “Снова дружба фронтовая”. <...> Та же оглядка назад и в стихотворениях “Пушкинский парк”, “Русская муза”. Все мы чтим память Пушкина. Но пушкинский парк, шум его листвы напоминают Рождественскому только прошлое, полусонный шепот лицейских стихов великого поэта; а ведь было бы совсем неудивительно, если бы сквозь этот шепот он услышал и новые голоса. <...> Это – скорее поэзия символистских заклинаний, нежели социалистической современности» [1; 164].

Критик обвинил Вс. Рождественского в том, что тот ввел в свой поэтический мир образы-символы Блока «как зеркало» – для прочтения настоящего и прошлого, но зеркало «стерлось» и отражение «тускло» – тут же торопится заверить читателя В. Бакинский [1; 164]. При идеологической предвзятости суждений критику не откажешь в точности наблюдений. Блоковский образ, инкорпорированный в литературный текст советской эпохи, меняет художественное отражение и настоящего, и прошлого, открывает иные горизонты литературы и жизни. Через Блока открывается другой Пушкин¹, другое понимание духовных основ русской культуры и истории.

Наблюдения и выводы В. Бакинского заслуживают внимания, поскольку использование зеркального принципа, который включает механизм культурной памяти, реставрация и широкая retrospeкция тем и образов русского фольклора и классической литературы, действительно, стали канонами литературы Великой Отечественной войны.

Блоковское понимание «жизни-битвы», поиск во тьме исторического времени вечных «добра и света», «когнитивное гражданское чувство» (А. Белый), воплощенные в поэтическом слове, оказались необходимы национальной культуре

в годы испытаний. Цитаты, образы, мотивы из репертуара Блока звучали в поэзии, прозе, публицистике 1941–1945 годов в творчестве самых разных авторов.

Ставя вопрос о литературной аллюзии в проекции на советскую литературу 1930–1940-х годов, Е. Толстая замечает: «Классическая литературная аллюзия встречала сверхпристальное внимание критики, готовой предположить в ней сколь угодно глубокое скрытое актуальное звучание. <...> Тут важна сама гипертрофия аллюзионной чувствительности критика, сама установка на сверхсложные аллюзионные структуры» [7; 352–354].

В советской литературе 1930–1940-х годов творчество А. Блока, автора поэмы о революции «Двенадцать», оставалось, по иронической формуле А. П. Чехова, «не запрещенное циркулярно, но и не разрешенное вполне», а потому, как правило, присутствовало в художественных текстах в скрытых или расподобленных цитациях.

В военном очерке Леонида Леонова «Неизвестному американскому другу. Письмо первое» (1942) есть, казалось бы, «прямая» цитата из А. Блока, однако инкорпорировано блоковское четверостишие в публицистический текст с предельным напряжением, если не обратно смыслу цитируемого в поэме «Скифы». Смысловой сбой и фигуру умолчания Л. Леонов графически означил многоточием: «Была пора – русский поэт Александр Блок в 1918-м году кричал о времени:

...когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить! –

и мы принимали этот пророческий образ за поэтическую метафору. “Этого не бывает...” Нет, бывает! Мертвые Шекспир и Данте не смогут нас защитить от живого Гитлера. И время это пришло»².

Л. Леонов не раз в творческих рефлексиях отмечал «интегральный» характер своих художественных решений. «Вернем» цитируемый Леоновым отрывок в контексте финала поэмы «Скифы»:

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!
Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!...
В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,

В последний раз на светлый братский пир
Сыграет варварская лира!

Меняя geopolитический адрес варварства с азиатского у Блока на европейский (фашистская Германия), Леонов не называет произведение, но указанием даты и точным цитированием отсылает читателя к поэме «Скифы» (1918). В «Скифах» тема варварства наполнена иным, национально значимым художественно-философским содержанием и включает в себя русскую революционную стихию (в том же 1918 году поэмы Блока о революции «Двенадцать» и «Скифы» вышли отдельным изданием с предисловием Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре»). Цитата «из Блока» в очерке Леонова – точная в букве, но «расподобленная» в смысле³ – оформляет подтекстный сюжет по принципу зеркального отражения, задает сложное интертекстуальное содержание, тем самым заставляя читателя задуматься о последствиях войны по ту и эту сторону смертельной схватки.

Наличие символистских тенденций в творчестве Андрея Платонова периода Великой Отечественной войны не составляло секрета для критиков и литературоведов 1940-х годов. Прижизненная критика пеняла Платонову за избыточную символику [3; 110], за то, что в его произведениях «сдвинут акцент... от раскрытия индивидуального образа... к внутреннему музыкальному звучанию» [4; 138] и т. д. Все это заставляет более внимательно рассмотреть вопрос о блоковском коде военных рассказов Платонова, тем более что блоковские аллюзии, реминисценции устойчиво прослеживаются у писателя в произведениях разных лет [5].

Блоковский подтекст в рассказе Платонова «Одухотворенные люди» (1942), посвященном героической защите Севастополя, актуализирован мотивной структурой. Открывает произведение мотив *пения девушки в хоре*, завершает – мотив *никто не придет назад*. Тематически заданы и присутствуют в произведении мотивы *кораблей* (в том числе мотив *погибших кораблей*), *плаванья, гавани*: рассказ посвящен морякам, героически павшим в наземных боях за Севастополь. Сюжетообразующим является мотив *моряков, сошедших на берег для продолжения боя*. Сюжет последнего боя оформляют мотивы *любви, верности, памяти* в неразрывном единстве с оппозиционными мотивами *разлуки, скорби, утраты*. Такая мотивная структура типологически соотносится с известным стихотворением Блока «Девушка пела в церковном хоре...» (1905). Это стихотворение сам А. Блок считал одним из наиболее совершенных своих творений. Оно звучало в исполнении поэта вплоть до последних его публичных чтений 1920–1921 годов, в то время как поэму «Двенадцать» Блок в это время со сцены уже не читал⁴. Там, где в сознании Блока исчерпали себя «Двенадцать», продолжали про-

рочески звучать стансы «Девушка пела...». Стихотворение отложилось в памяти национального читателя как незабываемая музыка прореческой лирики Блока, поэтому его нахождение-узнавание реципиентом в «чужом» тексте активизирует блоковский подтекст.

Стихотворение Блока «Девушка пела...» и рассказ Платонова «Одухотворенные люди» занимают стратегические позиции в творчестве писателей, их схождение на мотивном уровне актуализирует более глубокие моменты художественно-философского диалога. Платонову, как и Блоку, присущи абсолютный слух на музыку жизни, темы пути и скитанья, апокалиптическое видение эпохи, безверие и тоска по вере, примат истины и ее художественная реализация через поэтику *со-мнения*. Творческая установка Блока на «обретение себя-в-мире» [2; 14] духовно близка Платонову и имеет в художественных мирах писателей общую языковую форму выражения – быть «среди»: «среди людей» (Блок) – «среди народа» (Платонов). «Среди» у обоих авторов маркирует позицию «со-бытия» художника и мира.

Время создания стансов «Девушка пела...» – август 1905 года. Стихотворение выросло из катастрофической атмосферы начала века: Русско-японская война, гибель русского флота под Цусимой 15 мая 1905 года, кровавый ход первой русской революции. В качестве церковного источника исследователи часто называют ектению – всеобщую храмовую молитву «О плавающих, путешествующих, недугующих, страждающих» [6]. В системе персонажей стихотворения Блока многократно выделена девушка: первой позицией, ритмически (в слове «девушка» ударение на первый слог, в начале последующих строк ударный второй), детальной образной разработкой ее пения, где первенствует «голос, летящий в купол».

Сохранился черновой автограф работы Платонова над экспозиционным фрагментом рассказа «Одухотворенные люди». Запись сделана на отдельном листе бумаги карандашом, сверху по центру помечена звездочкой, синтаксически оформлена в одно предложение-текст. Приведем ее полностью. Добавления, которые по ходу работы делал Платонов, выделены нами курсивом и даны в круглых скобках, то, что им зачеркнуто, отмечено подстрочной чертой и заключено в косые скобки: «*В (далней сибирской деревне) /нрзб./* пели русские девушки, */девки, они пели высоко и задушевно/* и одна из них пела выше и задушевнее всех, и слезы шли по ее лицу, но она все равно пела, */вместе чтобы не/* (чтобы не) отстать от своих подруг и чтобы они не заметили ее горя и печали».

Музыкальной темы нет в сохранившемся плане-эскизе рассказа, где обозначены основные герои, эпизоды, детали, ключевые фразы. На то, что музыкальная идея начала найдена позже,

косвенно указывает то обстоятельство, что Платонов «пробует» ее на отдельном листе бумаги. Работа над экспозиционным фрагментом, добавления и вычеркивания, которые делает писатель, отражают напряженный поиск интонационно-ритмического и образного решения музыкальной темы. Первая вставка не только уточняет место действия, но дает поэтический зачин повествованию. В последующей работе Платонов заменит прилагательное «сибирская (деревня)» на «уральская», что не влияет на ритмическую структуру начала: «В дальней уральской деревне пели русские девушки». Первое предложение поэтически прочитывается как шестиударный дольник с 4 двусложными и 2 односложными междуударными интервалами в центре. Поэтическая структура стихотворения «Девушка пела...» – четырехударный дольник с регулярным чередованием двусложных и односложных междуударных интервалов, без приступа в первой строке (односложный приступ появляется со второй строки). «Высоко и задушевно» сначала является общей характеристикой всех поющих девушек, затем Платонов убирает это предложение и пишет иное: «...и одна из них пела выше и задушевнее всех...», вычеркивает и слово «вместе». «Выше и задушевнее» становится индивидуальной характеристикой только одной из поющих, при этом героиня не противопоставлена другим, но выделена среди них.

Таким образом, в ходе работы над началом рассказа Платонов вводит блоковский код на уровне не только мотивики, образных решений, но и интонационно-ритмического рисунка.

Сдвоенная начальная характеристика пения девушки «выше и задушевнее» у Платонова последовательно развернута в дальнейшем повествовании как духовная вертикаль приобщения тайне бытия. Поющая сердцем – эту метафорическую характеристику Платонов делает главной при описании героини. Девушка из уральской деревни в народное хоровое пение вкладывает своеличное содержание – память и боль о любимом

человеке, мольбу о его спасении. При этом рассказчик не называет, что поют главная героиня и ее подруги, слово «песня» отсутствует. Умолчание – знак потаенного содержания (к примеру, в рассказе Платонова 1942 года «Броня» прощальная колыбельная, которую поет женщина мертвым детям, приведена в тексте полностью). По тому, как пение девушки представлено в слове рассказчика, оно является собой аналог сердечной молитвы. Аллюзивное удвоение начала «Одухотворенные люди» стихотворением «Девушка пела...» вводит в его подтекст молитву, поэтическое переложение которой составляет содержание первой строфы стансов Блока.

Блоковский подтекст играет важную роль в семантике «Одухотворенных людей». Образы и мотивы стихотворения Блока «Девушка пела...» включены в художественное пространство «Одухотворенных людей» по принципу диалога – в широком диапазоне дополнения-отрицания поэтических элементов. Принцип диалогической организации художественной структуры у Платонова, как и у Блока, выходит на жанровый уровень. Стихотворение-молитва и рассказ-реквием⁵ по ходу сюжетного развития темы получают вторичное удвоение жанра. Отметим параллелизм в удвоении жанрового подтекста анализируемых произведений церковными источниками: от ектении «О плавающих, путешествующих, недугующих, страждающих...» к ектении «Вечная память». Особо подчеркнем, что в активизации церковных источников у Платонова важную роль играют именно блоковские аллюзии.

В Великой Отечественной войне открылись, вспомнились и были выстраданы заново спасительные смыслы национальной жизни, чтобы русский мир и русский человек, очистившись в ее грозовых раскатах, одухотворились Правдой. И поэзия Блока, в самом своем новаторстве ориентированная на культуру памяти, стала одним из художественных образцов и ориентиров восхождения к ней.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В тридцатые годы в связи со 100-летним юбилеем со дня смерти А. С. Пушкина была проделана огромная государственная работа по созданию образа «советского Пушкина», вольнодумца-революционера, преемника Радищева, и его канонизации.

² Леонов Л. Неизвестному американскому другу. Письмо первое // Собр. соч. М.: Худож. лит., 1984. Т. 10. С. 106.

³ Смысловое «расподобление» при цитации задано в данном случае усечением высказывания Блока на поэтическом уровне (цитируется неполная строфа – с купюрой начала первой строки) и синтаксическом (в сложноподчиненной конструкции опущено главное предложение).

⁴ Из воспоминаний Б. Зайцева: «Весной 1920 года приезжал Блок в Москву. Под аккомпанемент взрывов на артиллерийских складах он читал стихи в Политехническом музее. Но “Двенадцати” не прочел. Был очень мрачен, на вопрос моей жены ответил: – Я больше этой вещи не читаю» (Зайцев Б. Побежденный // Александр Блок: pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. СПб., 2004. С. 532).

⁵ Платонов писал жене с фронта: «Помнишь о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага? Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено (“Красной звездой”) сделать из него достойное памяти этих моряков произведение... Я пишу о них со всей энергией духа, которая только есть во мне. У меня получается нечто вроде реквиема в прозе» («...Жива главной жизнью»: А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках // Волга. 1975. № 9. С. 174).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакинский В. Поэзия и современность (О недостатках ленинградской поэзии) // Звезда. 1948. № 7. С. 161–168.
2. Грякарова Н. Ю. Поэт и критик // Александр Блок: pro et contra. СПб., 2004. С. 7–18.
3. Грудцова О. Рассказы Андрея Платонова // Новый мир. 1945. № 8. С. 110–111.
4. Добин Е. Заметки на полях // Звезда. 1945. № 8. С. 137–138.
5. Роженцева Е. Преодоление «кризиса гуманизма» («Король на площади» А. Блока и «14 Красных избушек» А. Платонова) // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5. Юбилейный. М., 2003. С. 532–546.
6. Приходько И. С. Церковные источники стихотворения А. Блока «Девушка пела...» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкоznания. Вып. 9. Воронеж, 1997. С. 74–80.
7. Толстая Е. Литературная аллюзия в прозе Андрея Платонова // Толстая Е. Мир после конца. Работы о русской литературе XX века. М., 2002. С. 352–365.

Spiridonova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

“BLOK’S CANON” IN LITERATURE OF GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the problem of Alexander Blok’s written heritage reflected in the literature of the Great Patriotic War period and in the works of Soviet criticism written during the war decade. The research examines quotations, allusions, reminiscences, images, and motifs of A. Blok’s repertoire in the works of multiple Russian writers in 1941–1945. Special attention is paid to the role of A. Blok’s images and motifs in the war poetry by Vs. Rozhdestvensky (poem “Grave fighter”); to the problem of hidden citations (poem by Alexander Blok “Scythians” – essay by Leonid Leonov, “To the unknown American friend. First letter”); to the “Blok’s code” employed in the war prose written by Andrey Platonov (stanzas “A girl sang...” – the story “spirited people”). The author concludes that “the Blok’s Canon”, incorporated into the literature of the war period, contributed to the restoration of Russian spirituality and patriotism in the fullness of national historical memory.

Key words: Alexander Blok, canon, quote, image, motif, genre, literature of the Great Patriotic War

REFERENCES

1. Bakinskij V. Poetry and Modernity (On the shortcomings of the Leningrad poetry) [Poeziya i sovremennost' (O nedostat-kakh leningradskoy poezii)]. Zvezda. 1948. № 7. P. 161–168.
2. Gryakalova N. Yu. Poet and critic [Poet i kritik]. Aleksandr Blok: pro et contra [Alexander Blok: pro et contra]. St. Petersburg, 2004. P. 7–18.
3. Grudtsova O. Stories by Andrey Platonov [Rasskazy Andreya Platonova]. Novyy mir. 1945. № 8. P. 110–111.
4. Dobin E. Field Notes [Zametki na polyakh]. Zvezda. 1945. № 8. P. 137–138.
5. Rzhentseva E. Overcoming the “crisis of humanity” (“King of the square”, Alexander Blok and “14 Red huts”, Andrei Platonov) [Preodolenie “krizisa gumanizma” (“Korol’ na ploschchadi” A. Bloka i “14 Krasnykh izbushek” A. Platonova]. “Stra-na filosofov” Andreya Platonova: Problemy tvorchestva. Vyp. 5. Yubileynyy [“The country of philosophers” by Andrey Platonov: Problems of creativity. Vol. 5. Jubilee]. Moscow, 2003. P. 532–546.
6. Prihod'ko I. S. Theological sources of poems by Alexander Blok “A girl sang...” [Tserkovnye istochniki stikhoto-vreniya A. Bloka “Devushka pela...”]. Filologicheskie zapiski. Vestnik literaturovedeniya i jazykoznaniya [Philological notes. Bulletin of literature and linguistics]. Vol. 9. Voronezh, 1997. P. 74–80.
7. Tolstaya E. Literary allusions in the prose of Andrey Platonov [Literaturnaya allyuziya v proze Andreya Platonova]. Tol-staya E. Mir posle kontsa. Raboty o russkoy literature XX veka [The world after the end. Works of Russian literature of the twentieth century]. Moscow, 2002. P. 352–365.

Поступила в редакцию 26.03.2015